

ДИАЛОГ

ОЖИВНО

Сергей БОНДАРЧУК / Юрий ОЗЕРОВ

Ю. ОЗЕРОВ. Прежде чем перейти к основной теме нашего разговора, мне хотелось бы рассеять одно популярное заблуждение. Кое-где, к сожалению, бытует такое мнение, что сейчас в мире происходит кризис кинематографа, что телевидение пришло на смену кино...

С. БОНДАРЧУК. Это верно, говорят.

Ю. ОЗЕРОВ. И говорят неправильно.

У нас в стране постоянно растет количество кинотеатров, не ослабевает зрительский интерес к кино. Огромный успех кинематографа в странах Латинской Америки; собственно, там это по-прежнему «главный калибр» искусства.

С. БОНДАРЧУК. Как хлеб, да.

Ю. ОЗЕРОВ. Я уж не говорю об Азии. В Индии, например, театр малозамечен, зато кино там — всё...

Когда же речь идет о кризисе в мировом кино, это прежде всего надо понимать как кризис идей, который не первый год уже бушует в кинематографе западных стран. Цифры посечений, быть может, не растут, но, как и прежде, фильмы смотрят сотни миллионов людей планеты. А значит, кино и сегодня остается мощнейшим идеологическим оружием.

Уготована ли земле война миров, предсказанная классиком фантастики, пока неизвестно. Зато мы хорошо знаем, что уже давно идет борьба миров социалистического и капиталистического, которая выражается, в частности, в борьбе мировоззрений. Надо сказать, Запад широко использует в этой битве идеи кинематографа.

Так, сейчас на зарубежном экране получили распространение политические фильмы, и это вызвано не одним лишь соображением: бизнес — выросло и возмужало новое поколение, оно хочет разобрататься во многих проблемах. Такие фильмы снимают американцы, итальянцы... Мы — нет.

Почему же мы уходим от острых политических тем, от полемик, от борьбы? Почему не наступаем? Разве в споре идеологий мы не можем противопоставить свое видение, свои аргументы? Не только можем — обязаны. Тогда почему же молчим? Откуда эти робость и пассивность?

С. БОНДАРЧУК. Политическими фильмами иногда принято называть картины, говорящие «впрямую» о классовых борьбе в капиталистических странах. Но понятие «политический фильм», мне кажется, гораздо шире. Сейчас на зарубежных экранах выпущен фильм «Николай и Александр», где откровенно фальсифицируется история. Долгое время во всем мире шли военные американские фильмы, где доказывалось, что американцы и — только отчасти — англичане в годы второй мировой войны освободили Европу, освободили мир. Да это же самые настоящие политические фильмы! Стоит вспомнить «Битву в Арденнах», «Генерал Паттон» или хотя бы «Самый длинный день», где вообще не сказано о роли Советской Армии в победе над врагом.

Сейчас появилась встречная с огромным интересом во всех странах киноэпопея «Освобождение», которой коллектив кинематографистов во главе с тобой отдал шесть лет жизни. В США мне довелось присутствовать на показе картины и стать свидетелем того интереса, с каким аудитория приняла фильм. Но вот деталь: я был удивлен, не увидев эпизодов, связанных с советско-американскими отношениями военного времени, скажем, кадров Тегеранской конференции с Рузвельтом и Черчиллем. Они вырезаны. Мы много раз спрашивали, кто и зачем это сделал, но так и не добились ответа... Я чувствую, что сегодня

наш разговор не будет закован в рамки одной темы... Поговорим о том, что наболело. Я надеюсь, нас не примут за мэтров; можно с нами не согласиться, но нельзя не сказать о том, что тебя волнует.

Ю. ОЗЕРОВ. Да, верно...

Это чувство тебе тоже, конечно, знакомо: когда уезжаешь с фильмом за рубеж, родной дом на чужбине становится еще ближе и дороже. Там, за границей, особенно гордишься успехами нашего киноискусства и вспоминаешь, что любовь советских людей к кино поистине удивительна. Хочу напомнить: в СССР 157 тысяч киноустановок — ни в одной стране мира такого количества нет. В прошлом году 4,7 миллиарда советских людей смотрели фильмы, в нынешнем прокат борется за 5 миллиардов зрителей в год — цифра неслыханная.

Как кинематографист я не могу не гордиться, что кино вносит ощутимый вклад в графу «доходы» союзного бюджета.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Если можно, вернемся к началу разговора. Мне хочется спросить: какие советские фильмы широко идут на зарубежном экране? Это интересует читателя...

С. БОНДАРЧУК. Прекрасно — «Освобождение», затем — «Дождём до понедельника», «Белое солнце пустыни», «Белорусский вокзал», «Начало»...

Ю. ОЗЕРОВ. Нет, надо откровенно признать, что наши современные фильмы в мире широко не идут.

С. БОНДАРЧУК. Действительно, широко показаны и пользовались большим успехом лишь несколько картин последних лет. О них вспоминают до сих пор. В остальном же прокат наших фильмов носил, я бы сказал, не очень заметный характер. Показывают их во второстепенных кинотеатрах, у незначительных прокатчиков; они иногда получают резонанс только в профессиональной среде.

Это обидно. Раз кинематограф — оружие, каждый наш фильм должен участвовать в бою. Но каково полководцу, у которого в битве не участвуют все виды современного оружия?

Ю. ОЗЕРОВ. Каждый, кто бывал за рубежом, может засвидетельствовать, что интерес к современному советскому кинематографу там огромен. И надо отвечать на такой интерес только одним — делом. В этой связи хочется напомнить слова, сказанные Л. И. Брежневым на XXIV съезде партии: «...нельзя сказать, что в области художественного творчества все обстоит благополучно, особенно в смысле качества создаваемых произведений». Заметь: «особенно в смысле качества». Здесь работы — непочатый край...

Надо прямо сказать: некоторые картины последних лет отдают откровенным мещанством. Во многих фильмах выводятся маленькие, камерные проблемки...

С. БОНДАРЧУК. Глубокомысленно решаемые.

Ю. ОЗЕРОВ. Вся филология их «на круг» — трехкопечная. Фактически это уход от грандиозных проблем, существующих в мире.

С. БОНДАРЧУК. Я не мыслю себе картины — самой современной! — в отрыве от того, что делается в нашей стране, от движения человечества во времени. Нельзя замыкать героя в четырех стенах — он живет в доме, на улице, в городе, в стране. Как космонавт облетает целые страны и континенты, так и кинематографист должен набрать большую высоту, чтобы рассказать наконец и о мире конца XX века. Художник не может не показывать всего этого. Значительное содержание, то есть важное для жизни людей, красота формы, искренность — вот что всегда было необходимо для истинно художественного произведения,

и нам нельзя забывать об этом и сегодня.

Хочется, чтобы наш кинематограф рассказывал о людях высоких чувств и дел, и хочется, чтобы это были большие, масштабные ленты. Причем, говоря «масштабные», я имею в виду не количество серий или число полков в кадре, а прежде всего значительность содержания.

Настало время нам, советским кинематографистам, делать такие картины — и самостоятельно, и в содружестве с мастерами стран социалистического лагеря. Потому что только мы сейчас в состоянии «поднять» подобные фильмы — и с точки зрения идейного их звучания, и с точки зрения материальных возможностей. Эти масштабные ленты надо запускать в мир, как запускаем мы спутники на Луну, на Марс, на Венеру.

Есть группа людей, высокомерно и снисходительно относящихся к масштабному кино. Любую большую картину они почему-то сразу относят к коммерческому кинематографу — только потому, что ее смотрят. Но ведь именно в этом — наша сила, ибо если миллионы идут на такой фильм, если он может привлечь их в кинозал, то одно это уже победа. И сразу же неотвратимо встает вопрос: а что мы расскажем людям с экрана?

Нам есть чем гордиться. Классика советского кино — до сих пор действующее и грозное оружие. Почти полвека гремит залпы «Броненосца «Потемкин» и других наших кинематографических шедевров. Они до сих пор в строю.

Мы — не Иваны, не помнящие родства. Нельзя забывать о том, как много накопила наша культура, как богаты традиции советского искусства. Пионеры нашего кинематографа начинали с революционного кино. Оно действительно было революционным — не только по темам, но и по устремлениям, по всем компонентам, по всему оснащению. Все шедевры нашего экрана сильны были этим, а мы почему-то забываем покорить, что пришли не на го-рое место и надо не заново начинать, а развивать богатейшие традиции и на этой основе двигаться дальше.

И советское искусство всегда было богато крупными характерами, но сейчас они почти исчезли с экрана. Между тем нам необходимы масштабные ха-

рактеры, которым бы зритель не только сочувствовал: они должны побуждать его к деятельности, служить действенным примером.

Один из резервов — биографические фильмы. Здесь то как раз и присущают большие события, выдающиеся личности. Их не надо выдумывать — они существовали. Какие характеры, какие гигантские фигуры оставила нам история!

Не так давно Таланкин выпустил «Чайковского», сейчас у него готов сценарий фильма об академике Курчатове. Картину о конструкторе ракет закончил Храбровицкий. Так что жанр биографических лент возрождается, только очень уж медленно...

Ю. ОЗЕРОВ. Это удивительно: мы живем в самой динамичной стране в мире, где грандиозные преобразования и гигантское строительство стали нормой, где темп жизни необычайно высок. Казалось бы, экран, рассказывая о нашей действительности, должен отражать стремительный бег жизни. Отражает ли?

Есть у нас беда: некоторые фильмы вялые, зачастую скучны и длинны. Ну, хорошо, все-таки можно представить себе такой темп в одном-двух «ранидных» фильмах, но десять — двадцать подобных картин создают совершенно искаженное представление о динамике нашей жизни, да еще подрепаются «теоретическими возгласами»: мол, замедленный ритм присущ «кинематографу мысли»...

С. БОНДАРЧУК. Я не знаю, а ты знаешь, что это такое — «кинематограф мысли»? Я вот давно хочу спросить...

Ю. ОЗЕРОВ. Ты знаешь не хуже меня, что лучшие фильмы всегда были именно кинематографом мысли. И «Броненосец «Потемкин», и «Земля», и «Член правительства», и «Гамлет»... Без мысли не может быть кинематографа!

Советское искусство вообще всегда было эмоциональным, самобытным. Яркие образы, сильные характеры, свое, не заемное видение мира... А теперь иногда творчество некоторых художников сводится к какому-то разговорам вполголоса...

С. БОНДАРЧУК. К многозначительному шепотку — вот к этому самому «кинематографу мысли», или, как его еще иногда обозначают, к «интеллектуально-

му кинематографу»... к «интеллектуальному актеру».

На качестве сегодняшнего кинематографического искусства сказывается также и то, что авторы некоторых статей внедряют в сознание читателя неверное представление о профессии. Так, из года в год зрители убеждают, что режиссер — тот человек, который добивается интонации, жеста, взгляда, мимики, и, чем лучше режиссер, тем более совершенно он это делает... Разве так на этом деле?

Сценарий будущего фильма — это как бы партитура, которая для одного обернется музыкой, а для другого останется набором нотных знаков. А режиссера можно сравнить с дирижером большого оркестра, где ведущий актер — только первая скрипка, а ведь есть еще гобои, флейты, виолончели, есть десятки инструментов, которые должны звучать в унисон. И режиссер — тот человек, который приводит все части, если можно так выразиться, и согласно. Это и сценарное искусство, и искусство актера, и изображение, и музыка, и шум... Как дирижер на репетиции оркестра, он начинает создавать ансамбль, придя в павильон...

Ю. ОЗЕРОВ. Но приди подготовленным, в этом все дело. Между тем необходимо заметить, что у нас еще очень низкий, в ряде случаев непрофессиональный уровень режиссуры, что тоже, естественно, отражается на качестве картин. Есть, например, кинематографисты, не умеющие снимать монтажно...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Извините. Объясните, пожалуйста, что такое «снимать монтажно».

Ю. ОЗЕРОВ. Вы думаете, Бондарчук не знает? **КОРРЕСПОНДЕНТ.** У «Интертурной газеты» около полутора миллионов подписчиков...

С. БОНДАРЧУК. Юрий Николаевич, не сопротивляйся: сегодня мы играем в его фильме.

Ю. ОЗЕРОВ. Да, правда... Хорошо. Предположим, сейчас снимают, как мы сидим за столом, и Сергей Федорович смотрит слева направо, а я — справа налево. Но представьте: кто-то снимет крупные планы так, что мы будем «разговаривать в разные стороны»... Критики могли бы заметить такие случаи, и написать, и поучить мастера... Чего, к несчастью, никто не делает.

С. БОНДАРЧУК. Самое страшное, что такое «творчество» в глазах зрителя постепенно становится мерилом того, что может кинематограф. И сами кинематографисты, обсуждая работы коллег, уделяют все меньше внимания вопросам мастерства, как будто это что-то второстепенное. Из года в год одно наслаждалось на другое, и сейчас незнание монтажа кое-кем уже возводится в норму. Договаривают даже о якобы новой природе монтажа, о, так сказать, новациях...

Ю. ОЗЕРОВ. И забывают, что самый новый кинематограф основан на высочайшем профессионализме. Что самый «модерновый» автор может позволить себе что-то, лишь твердо зная: хотя это будет и нетрадиционно, но профессионально — абсолютно точно.

С. БОНДАРЧУК. В свое время мир был потрясен тем, что потом назвали «русским монтажом» — монтажом Дзиги Вертова, Эйзенштейна (с наслаждением вспоминаю, как во ВГИКе я сбегал на его лекции с занятии на своем факультете, за что потом получил выговоры), Пудовкина, Савченко...

Ю. ОЗЕРОВ. Григорий Васильевич Александров — еще один блестящий мастер монтажа.

С. БОНДАРЧУК. Хорошо, оставим в покое монтаж. Возьмем главный компонент — поговорим о «жизни человеческого духа»... Где она, эта жизнь, когда мы, как правило, выстраиваем образ не в его естественном движении и развитии, а экранно. Что это значит?

Надо ведь в кадре создать общую атмосферу сцены, сложные психофизические и эмоциональные связи и так далее. Но каждый режиссер, слава богу, по-своему знает, что в кино есть крупный план, средний и общий. И он тебя снимет крупно, средние снимет и общие, потом смонтирует и получит экранный образ. Видимость. Дилетантское обозначение того, что на самом деле должно происходить.

На театральной сцене, куда с клеем и ножицами не сунешься, такой режиссер сразу обнаружил бы свою несостоятельность. Но иллюзион — дело другое. В кинозале даже простое чередование на экране планов (каждый из которых ни о чем не говорит) не так уж редко само по себе служит

признаком профессионализма. Искусство добывается совершенства, чтобы как можно сильнее воздействовать на зрителя, а такое «искусство» никогда и ни на кого истинного воздействия не окажет.

Иногда, чтобы понять причину неудачи, задаешь себе вопрос: какими же средствами художник добивается воздействия на зрителя? И тогда все становится на свои места: оказывается, никакими. У него ничего нет. Он случайный человек в кинематографе. Он обманывает зрителя.

Представь себе: начинается операция на сердце. Все готово, хирург уже протянул руку за скальпелем, как вдруг его отстраняет некто, показывает на кого-то и говорит: «Пока отдохните, а он сделает операцию за вас». — «Да он не сможет — это очень сложно, надо долго учиться...» — «Ерунда! Он уже знаком с хирургами и парутройку операций даже видел лично. Отойдите!» Отошел хирург, подошел тот, протеже, закатал рукава, хват инструмент — не тот! — все равно полосу — ах, человек-то помер...

Может такое случиться в операционной на самом деле? Никогда! А в искусстве бывает: на экран выходит фильм, но сердце в нем давно не бьется.

Помню эпизод в одном сценарии Довженко: нет машиниста, состав вести некому. Бегут к какому-то хлопцу: «Петро, давай веди паровоз...» — «Да я ж не знаю, як его...» — «Да давай!» Взяли его «за чупрыну», силой сулили в паровозную будку, нажал он на рычаги, повел состав, а потом затормозить не сумел — поезд сошел с рельсов. Парень встает после катастрофы, скребет в затылке и говорит: «Пойду учиться на машиниста»...

Ю. ОЗЕРОВ. Элемент самокритики был все-таки. Но я что-то не слышал, чтобы тот, кто уже пустил под откос какую-то картину, отправился учиться «на машиниста». И кто его «за чупрыну» берет и кричит «давай!» — тот тоже учиться не идет...

Вот еще одна проблема: внешний облик героя. Надо признаться: мы часто стесняемся приглашать на роли героев красивых людей...

С. БОНДАРЧУК. Не так давно считалось, что красота — чуть ли не порок, что лицо с таким «дефектом» и снимать уже нельзя. Что если нет у нее рябинок, надо нарисовать, и именно в этом — эстетика неореализма. Это шутка, конечно, но шутка невеселая.

Ю. ОЗЕРОВ. В последние десятилетия мы всечасно «поднимали» девушку-подростка, исследовали «становление характера». Нет спора: и эта тема нужна. Но за всем тем с экрана исчезла женщина в возрасте, больше, чем школьница, а заодно с ней — и женственность. В результате многие наши результаты актрисы годами не получали сколько-нибудь заметных ролей.

С мужчинами не намного легче: для «Освобождения» нам стоило больших трудов найти актеров не только талантливых, но и внешне мужественных. Чтоб были мужчины, а не что-то такое из «становления характера».

Мне вообще кажется — да простит эта «красола», — что институт «звезд» не так уж плох, как принято думать, если иметь в виду под «звездами» актеров талантливых и красивых.

С. БОНДАРЧУК. Вспомни Чехова: «В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Наша самая большая мечта — создать совершенного человека. Мы строим коммунизм, а коммунистическое общество предполагает людей красивых — и духовно, и внешне, физически.

Ю. ОЗЕРОВ. И наряду с талантом кинематограф должен воспитать мужественность мужчин...

С. БОНДАРЧУК. И красоту женщины...

Ю. ОЗЕРОВ. И еще один наболевший вопрос. Не худо бы «подтянуть» нашу кинотехнику, которая, увы, не отвечает мировым стандартам. Только один пример: мировой кинематограф работает на пленке чувствительностью в 100 единиц, а наша имеет только 30, что не может не отражаться на качестве картин, как тебе известно...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что стоит за цифрой 100?

Ю. ОЗЕРОВ. Миллионы вноими, не говоря обо всем прочем! Вот вы сейчас снимаете при комнатном освещении. Какова чувствительность пленки у вас в камере?

КОРРЕСПОНДЕНТ. 130 единиц.

С. БОНДАРЧУК. Тогда можете снимать даже в цвете. В цвете! А мы на натуре из-за этих 30 единиц в летнее время снимаем три-четыре часа, зимой — и того меньше. В павильоне же из 8 часов работы первые 6, как правило, ставят свет. Актёры устают... Разве не сказывается это на художественном качестве картин? Если шесть часов сидеть в гриме, глядя, как устанавливают свет, то на седьмой у актёра вообще может пропасть желание работать.

Ю. ОЗЕРОВ. К тому же идет много брака по пленке, что заставляет прибегать к множеству дублей.

С. БОНДАРЧУК. В «Войне и мире» было 30 процентов пленочного брака. Основные сцены иногда по три раза переснимались.

Ю. ОЗЕРОВ. А сколько лет мы говорим о плохом качестве звукозаписывающей аппаратуры, о низкой культуре звукозаписи? Многие иностранные фирмы не покупают советские фильмы только потому, что они не соответствуют стандартам звучания.

С. БОНДАРЧУК. Я был в Канне, куда наша делегация привезла фильм-оперу «Катерина Измайлова». От демонстрации ее отказались все — и киномеханики, и устроители. «Ваша героиня», — сказали, — будет петь бассы... Однако мы настояли и присутствовали при этом позоре: не было наслаждения ни замечательной музыкой Шостаковича, ни колоссали великолепных певцов, ни оркестром — все «пели басом».

Ю. ОЗЕРОВ. Когда вообще думаешь о нашем кинематографическом хозяйстве, то приходишь к выводу, что улучшений требуется еще много. Так, скажем, хорошо известно, что вся страна живет в условиях новой политики планирования и экономического стимулирования. Но я бы с огорчением сказал так: вся страна минус кинематограф, потому что в нашем кино действует устаревшая экономическая система: никак не можем решить этот вопрос.

С. БОНДАРЧУК. Сейчас создались благоприятные предпосылки для качественного скачка нашего кинематографа. Закончены производством и выходят на экраны талантливые фильмы — такие, как «А зори здесь тихие...», «Солярис», «Тепло твоих рук», «Невестка».

«Сказание о Рустеме» и др. Последние три картины созданы на студиях союзных республик — факт примечательный. Да, здесь можно отметить и фильмы созданные на Киностудии имени А. П. Довженко, — «Захар Беркут», например, или телевизионные — в первую очередь «Тени исчезают в полдень».

Удачи последних лет говорят о том, что в нашем кино успешно работают не только мастера старшего поколения, но и среднего, и — что особенно отродно — плеяда совсем молодых. Они — главная наша надежда и залог дальнейших успехов дела, которому мы отдаем жизнь...

Запись диалога и фото Г. ЦИТРИНЯКА